

УДК 929.733

УБИЙСТВО ПРИКАЗЧИКА В ИМЕНИИ СВОЯЧЕНИЦЫ А. Н. РАДИЩЕВА

Маньков С. А.

*Государственный музей-заповедник «Царское Село»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: mankov21@mail.ru*

Рассматриваются новые сведения о родственных связях выдающегося российского общественного и государственного деятеля, автора повести «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Николаевича Радищева (1749–1802), выявленные в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. В повседневной жизни имения Сяглицы, Ямбургского уезда, Санкт-Петербургской губернии, принадлежавшего его свояченице, Дарье Васильевне Рубановской, произошел случай, во многом перекликающийся с творчеством осужденного к тому времени Радищева, и характеризующий бытовую жизнь крепостной России XVIII века. Несмотря на доказанный характер избиения приказчика Иоганна Блома, повлекшего его смерть, суд вынес необычно мягкое наказание крестьянам, совершившим данное преступление, что свидетельствует о некотором смягчении правоприменительной практики со стороны судебных властей, опасавшихся народных волнений в эпоху после Пугачевского восстания.

Ключевые слова: Радищев, крепостное право, дворянство, крестьянство, Ямбургский уезд, Санкт-Петербургская губерния, Россия в XVIII веке.

В 1770-х – 1780-х гг. по помещичьим имениям северо-западных российских губерний прокатилась волна убийств и покушений на жизнь дворян, управляющих, арендаторов и откупщиков. Это явление, невиданное ранее, имело целый комплекс причин, главными из которых были процесс усиления крепостного гнета в этот период и определенный «отголосок эха» восстания Е.И. Пугачева.

Литературным отражением указанных событий стало появление в 1790 г. знаменитой сентиментальной повести А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». В главе «Зайцево» автор описывает расправу, учиненную крестьянами над семьей помещика, бывшего придворнослужителя, ставшего дворянином по чину коллежского асессора. Убийство произошло как ответ на жестокость и произвол, осуществляемый «новоначальными» дворянами [1, с. 119–153].

Интересным фактом является то, что уже после осуждения А. Н. Радищева в поместье, принадлежавшем семье, связанной с ним родственными узами, произошло схожее уголовное дело.

В советской историографии личность и творчество А. Н. Радищева, характеризовавшегося как «писатель-демократ, просветитель, родоначальник политического радикализма», были изучены очень обстоятельно. Тоже касалось и родословной писателя [2; 3; 4]. Но, несмотря на подробные исследования, часть свойственных Радищеву семейств не были выявлены.

Общеизвестно, что в 1775 г. отставной на тот момент чиновник Александр Николаевич Радищев сочетался браком с Анной Васильевной Рубановской (1752–1783), дочерью статского советника Главной дворцовой канцелярии Василия Кирилловича Рубановского (1731–1775) и племянницей товарища по обучению в Пажеском корпусе и Лейпциге флигель-адъютанта Андрея Кирилловича Рубановского (1748–1790/1). В этом браке родилось четверо детей (не считая двух дочерей, умерших в младенчестве).

Позже, находясь в ссылке в Илимске, А. Н. Радищев вступил в связь (вероятно, невенчанную) со свояченицей Елизаветой Васильевной Рубановская (1757–1797), от которой имел потомство троих детей.

Биография третьей дочери В. Г. Рубановского, Дарьи Васильевны (1759–?), приходившейся крестницей императрице Екатерине II, воспитанницы 1-го выпуска Смольного института (1776) [5, с. 46], оставалась неизвестной. Советский исследователь П. Н. Берков отмечал, что «Дарья Васильевна вышла замуж; за кого – неизвестно; неизвестна и дата ее смерти» [6, с. 243–244].

Возможность проследить некоторые подробности дальнейшей судьбы свояченицы Радищева, тем самым расширив наши представления о круге его общения, предоставляет дело об убийстве приказчика помещика Ксиландера И. Блома, рассматривавшийся в 1793 г. в Ямбургском уездном суде.

1 октября 1793 г. через крестьянина Сысою Яковлева писарь Никифор Дорофеев уведомил капитана А. А. Ксиландера, что в его вотчине мызе Сяглицы Ямбургского уезда утром 29 сентября в огороде крестьянина Самуила Миккелева кузнецом Симаном Ельесовым был найден сильно избитый приказчик имения, шведский уроженец Иоганн (Юган, Юхан, Иван Матвеевич) Блом, вскоре скончавшийся [7, л. 32 об.–33 об.].

Род Ксиландеров появляется в России в петровскую эпоху. Его основателем был Илья Борисович Ксиландер (Ксиляндер) (?–не ранее 1750-х), «питомец» школы, а затем интендант Архиерейского дома архиепископа Новгородского Феофана (Прокоповича) [8, с. 182], упоминающийся в русском бытовом сатирическом произведении «Благодарение от служителей домовых за солод новомышленный домовому эконому Герасиму», описывающее празднества в архиерейском доме [9, с. 345, 485]. Позже экзекутор Святейшего синода, а затем главный управитель домом графа А. Г. Разумовского [8, с. 272, 355].

Сын И. Б. Ксиландера, Алексей Ильич (?–1798), с 1758 г. находился в Межевой канцелярии титулярный, а затем в коллегии юнкером. 1 мая 1764 г. взят кавалергардом в Кавалергардский корпус. 20 сентября 1771 г. произведен в капитаны. В 1772 г. подал прошения об определении в штатскую должность за «слабостью здоровья», назначен кандидатом на вакансию в герольдии Правительствующего сената с производством в чин коллежского асессора. Позже Ямбургский уездный судья, надворный советник. Имел сыновей Александра и Алексея, а также трех дочерей [10, с. 40], одна из которых Александра вышла замуж за помещика Ямбургского уезда Станислава Чайковского [11].

Первенец предыдущего, Александр Алексеевич, владел указанною мызой Сяглицы. С 1773 г. кадет Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. 15 ноября 1787 г. выпущен поручиком. 7 ноября 1787 г. произведен в кавалергарды с причислением для производства к Невскому пехотному полку. «За болезненными припадками» Военной коллегией отстранен от службы с награждением капитанским чином [10, с. 167–168].

Любопытно, что писарь Никифор Дорофеев, сообщивший о трагической гибели приказчика, 30-летний дворовый человек мызы Онотопельской, как указывают документы, принадлежал не капитану Ксиландеру, а его жене Дарьи Васильевны «Ксиландеровой», а до этого состоял в вотчине покойной матери её, статской советницы Акулины Павловны Рубановской [7, л. 10]. Именно это краткое упоминание позволяет установить за кого же именно вышла замуж свояченица А. Н. Радищева.

Возвращаясь к обстоятельствам дела, то по свидетельству штаб-лекаря Ямбургского нижнего земского суда Ивана Рембда от 3 октября 1793 г., на теле покойного «показаны следующие знаки: под левым глазом удар повыше затылку, на голове к правой стороне одна ударом причиненная рана до кости, длиной с четверть вершка, а другого длиной в один вершок с четвертью разрезанная до кости ж к левой стороне головы, по снятии с головы кожи на кости оказалась запекшаяся кровь, кость же была невредима, по снятии головной кости оказалось между мозговой кожей и маленьким мозгом запекшаяся кровь, от чего ему и смерть приключилась» [7, л. 8].

При проведении следствия судебные власти столкнулись с обычной в таких случаях «круговой порукой» крестьян. Население Сяглиц было смешанным русско-эстонским и соответственно православным и лютеранским по вероисповеданию, что не мешало всей деревне 28 сентября отмечать «чухонский» праздник Миккеля Пяяв (Mikkeliinpäivä) или день святого Михаила [7, л. 1], во время которого всё мужское население, включая приказчика Блома, изрядно выпило. Удалось установить, что Иоганн Блом, вместе с писарем Никифором Дорофеевым и его женой, в тот день до вечера праздновали в доме у кузнеца Симана Ельесова. После ужина Блом остался погулять по деревне, а писарь вернулся на мызу.

Староста деревни Антон Панкратьев и три деревенских караульщика Адам Гаврилов, Ганц Матвеев и Самоила Андрусов показали, что Блома вечером не видели [7, л. 32об.–33об.].

Допрошенный кузнец Симан Ельесов, 46 лет, лютеранского закона, показал что после обеда «прикащик Блом также пошел в деревню, а к кому именно, того не знает, и ночь никуда не выходил и спал дома ж, пробудившись поутру на другой день весьма рано, на зоре поутру поехал на своих двух лошадях с тем, чтобы их свести на поле для корму, и едучи на поле, лошади, испугавшись, остановились, а потому он и усмотрел лежащего умершего человека, которого признал за своего прикащика Блома, почему, спутав лошадей, оных пустил в поле, а сам пошел в оном объявить оной же деревне соседу Самоиле Миккелеву, под окошком и стучал, но как оный спал крепко, то пошел к другому соседу, Никласу Карлову, который уже

был ставши и выкликнув его, ему объявил, что нашел прикащика убитого, а потом оный вышел с ним, пошел и оного мертвого прикащика свели на телеге мимо двух домов в дом его, а потом пошел на мызу и о том объявил писарю Дорофееву, более ничего не знает, и в сем допросе показал самую сущую правду» [7, л. 12–12об.].

Показания кузнеца вошли в противоречие со словами крестьянина Никласа Карлова и жены кузнеца Гедвихи Юрьевой. Первый сказал, что «в оный же день поутру очень рано, на заре, точно сосед его, из крестьян, кузнец Семен Ильин, пришел к нему под окошко, объявил, чтоб он помог ему свести битого прикащика, который лежал подле дому крестьянина Самоилы Миккелева в огороде, куда пришел, нашли его на траве, а не на поле лежащего, который весьма кричал, что озяб и весь избит, в потом взяли его, подняли на телегу и свезли в дом кузнеца Симана Ельясова, где он, прикащик Блом, просить пить и выпил целый ковшик воды, он же, Карлов, пошел потом домой, хто же его, прикащика, бил, он, Карлов, не знает, прикащик же еще остался живой и быв дом, счас прибежала кузнецова жена Гедвиха и сказала ему, на что вы его, прикащика, привезли и что он уже умер, а потому он, Карлов, побежал о том объявить писарю Дорофееву, и в сем допросе показал самую сущую правду» [7, л. 12об.]. Вторая же пояснила, что «ее муж на зоре с соседом их, Никласом Карловым, и привели на себе в телеге еще живого прикащика, и по приводе в избу положили наземь, оной же прикащик просил у нее несколько раз воды пить и иной раз сам садился и ковшик с водой выпивал, муж же ее оного прикащика хто его бил и отчего он кричит ни о чем не спрашивал и потом вышел наперед сосед Карлов, а потом и муж ее, и после выходу их через час оный прикащик умер, а потому она о сем побежать объявила соседу Карлову, и в сем допросе показала самую сущую правду, хто же его, прикащика, бил, она не знает» [7, л. 15].

Допрошенный также крестьянин Самойла Миккелев показал, что «лежал ли подле его дома в огороде битый прикащик Блом или нет, он подлинно не знает и когда его взяли и хто его бил, не знает, также и сам его не бил, и во оный день и ночь не выходил из дому» [7, л. 18].

Столь существенные неточности в словах кузнеца сделали его островным подозреваемым. Симан Ельясов был арестован и направлен в г. Ямбург [7, л. 19]. При допросе 7 октября 1793 г. обвиняемый показал, что «в день праздника ... ходил в деревню к разным крестьянам, пил вино, а потом пришел домой уже ближе к полуночи, и поужинав, услышал крик на улице, на который выбежал и увидел близ дома крестьянина Никласа Карлова в огороде людей, коих узнал, что были той же деревни крестьяне Семен Панкратьев и Карп Петров, кои на спрос его о крике сказали, что они прикащика укачали и уже де он не жив, и лежал де во огороде, а сами побежали по деревне, почему он с работником крестьянина Никласа Карлова Евдокимом Аксеновым того прикащика живого увидел и как подымали, то прикащик от того кончатъ, то Аксенов взял полено и ударил раза три по ногам и сказал, что и не снести, пусть же умирает и сам ушел...» [7, л. 28].

По приказу Ябургского нижнего суда для допроса 10 октября 1793 г. были доставлены крестьяне Семен Панкратьев, Карп Петров, Евдоким Аксенов и Иоган

Томасов [7, л. 29]. Все они, как один подробно описывали праздничный день, поездку на ярмарку, песни, как пили пиво, но кто же избил приказчика И. М. Блома не признавались.

По увещевании 13 октября 1793 г. протоиереем соборной церкви Св. великомученицы Екатерины г. Ямбурга Матвеем Афанасьевым и 17 октября 1793 г. пастором Молосковицкой кирхи Норштремом никто из допрашиваемых не признался в убийстве [7, л. 37, 41–41 об.]. При этом пастор Норштрем показал, что крестьянин Никлас Карлов объяснил ему, «его же работник деревни Сяглиц, крестьянин Евдоким Аксентьев после взятъя кузнеца Семена Ельясова в Ямбурге ему самопроизвольно повинился, что он с которыми другими его товарищами того прикащика Блома караулил на дороге, чтоб он того, когда он из деревни домой пойдет, до смерти убить, как же им ждавши, время долго показалось, не видел прикащика, то оне пошли до мызы, чтоб его там сыскать, как же он и на мызе не нашли, то пошли обратно к деревне и нашли он того прикащика Блома в огороде крестьянина Самуила Миккелева спящего, которого он, Евдоким Аксенов, дубиной в голову бил».

Вторично допрошенный 17 октября 1793 г. крестьянин Евдоким Аксенов после увещевания признался, «и показал, в день праздника, называемого по-чухонски Миккеля Пяйве, подлинно он, Аксенов, с хозяином своим и братом его были на ярмонке в деревне Губаницу, откуда действительно приехали в дом свой того ж дня уже вечером, и, убравши лошадей, пошел он в деревню и услышал, что в доме крестьянина Симана Ельясова поют песни, куда пришед в избу, увидел много девок и мужиков, между коими той же деревни крестьян Семена Панкратьева и Карпа Петрова, и некоторое время побыв, позвал тех крестьян к себе в дом хозяина пиво пить, с коими и пошел и на улице увидели вышедшего из дому хозяина его, Аксенова, крестьянина Симана Ельясова, который сказал, что прикащик Блом пошел в избу и приговаривал и чтоб они шли с ним, и с ним, Ельясовым, того прикащика бить, за то, что оный во время того праздника и того самого дня ходил по деревне пьяный, бил крестьян и выдергивал у многих из роту трубки, за что они и согласились и вынули от стены хозяина Аксенова из поленицы каждый по полену, пошли, и крестьянин Симан Ельясов услышал, что в огороде крестьянина Самуила Миккелева кричит человек истошно, а наконец увидели, что лежит прикащик Блом, куда их, Аксенова, Петрова и Панкратьева, кликнули, кои пришед, того прикащика били, кому куда попало теми поленьями, и потом все вроде разошлись, более ж он того прикащика не был и крестьянину Симану Ельясову подымать не ходил, и оной он того не звал, а поутру уже узнал, что прикащик в доме крестьянина Симана Ельясова умер, и действительно дня через три хозяину своему Никласу Карлину как о себе, так и товарищах признался» [7, л. 44]. При этом на очной ставке 18 октября 1793 г. Евдокима Аксенова с поименованными им крестьянами последние от участия в убийстве отказались [7, л. 46], кроме Семена Панкратьева, который после увещевания показал, что он видел крестьянина Симана Ельясова, который приглашал его к избению приказчика Блома, от чего тот отказался [7, л. 49].

Несмотря на заpiresательства подозреваемых, на заседании Ямбургского уездного суда от 24 октября 1793 г. в убийстве приказчика Блома подозревались: крестьяне Евдоким Аксенов, Семен Панкратьев, Карп Петров, Симан Ельясов и Никлас Карлин и дворовой человек Никифор Дорофеев. Все подозреваемые были заключены под стражу [7, л. 60]. Окончательное решение дела предполагалось возложить в 1-й департамент Верхнего земского суда Санкт-Петербургской губернии [7, л. 61], однако 28 октября 1793 г. по требованию Петербургского губернского правления 17 ноября 1793 г. дело было возвращено в Ямбургский уездный суд. Вновь допрошенные арестованные 25 ноября 1793 г. подтвердили свои прежние показания, а Евдоким Аксенов дополнительно показал, что его товарищи «прикащика били не с тем, чтоб убить до смерти и единственно для того, что тот прикащик много ходя пьяным по деревне, бил крестьян и бранился» [7, л. 67].

Решением Ямбургского уездного суда 29 ноября 1793 г. дело было вновь отправлено в 1-й департамент Верхнего земского суда Санкт-Петербургской губернии [7, л. 72]. По приговору Верхнего земского суда от 27 февраля 1794 г. Евдоким Аксенов, Семен Ельясов за неумышленное убийство в пьяном виде получили по 20 ударов кнутом с водворением на прежнее место жительства, остальные же обвиняемые были отпущены, кроме признавшего Семена Панкратьева, наказанного плетьюми [7, л. 75].

Неизвестно решились бы крестьяне деревни Сяглицы на описанное преступление в отношении И. Блома, порой явно злоупотреблявшего своей властью, не находясь, они в состоянии алкогольного опьянения, но суд вынес необычно мягкое наказание участникам дело, что свидетельствует о некотором смягчении правоприменительной практики со стороны судебных властей, опасавшихся народных волнений в эпоху после Пугачевского восстания.

Дальнейшая судьба Д. В. Ксиландер (урожденной Рубановской) ещё нуждается в дополнительном исследовании. Последнее упоминание о ней, которое в настоящее время удалось выявить относится к 1797 г., когда судебные власти описали ее имение Анстополь в Ямбургском уезде со 42 душами, по иску коллежского советника Карла Аспегрена о взыскании долга [12, с. 1092].

Список использованных источников и литературы

1. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву.– М.; Л.: Academia, 1935. – Т. 1. – 453 с.
Radishhev A. N. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Tom 1. – М.; Л.: Academia, 1935. – 453 s.
2. Татаринцев А. Г. Неизвестные родословные документы о Радищевых//XVIII век. Сборник 12: А. Н. Радищев и литература его времени / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); под ред. Г. П. Макогоненко – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977. – 260 с. – С. 149–165.
Tatarincev A. G. Neizvestnye rodoslovnye dokumenty o Radishhevyh//XVIII vek. Sbornik 12: A. N. Radishhev i literatura ego vremeni / AN SSSR, IRLI (Pushkinskij Dom); pod red. G. P. Makogonenko – L.: Nauka. Leningradskoe otделение, 1977. –260 s. – S. 149–165.
3. Барсков Я. Л. А. Н. Радищев. Жизнь и личность// Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Том 2: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. – М.– Л.: Academia, 1935. – 58

Barskov Ja. L. A. N. Radishhev. Zhizn' i lichnost' // Radishhev A. N. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Tom 2: Materialy k izucheniju «Puteshestvija iz Peterburga v Moskvu» A. N. Radishheva. – M.-L.: Academia, 1935. – 586 s. – S. 17–170; 6 с. – С. 17–170;

4. Любимиров П. Г. Род Радищевых // А. Н. Радищев: Материалы и исследования / Акад. наук СССР. Ин-т рус. лит.-ры. Лит. архив. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 416 с. – С. 293–351.

Ljubomirov P. G. Rod Radishhevych // A. N. Radishhev: Materialy i issledovanija / Akad. nauk SSSR. In-t rus. lit-ry. Lit. arhiv. – M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1936. – 416 s. – S. 293–351.

5. Ульяновский А. И. Радищев в Петербурге: Памятные места: К 190-летию со дня рождения. – Л.: Лениздат, 1939. – 64 с.

Ul'janskij A. I. Radishhev v Peterburge: Pamjatnye mesta: K 190-letiju so dnja rozhdenija. – L.: Lenizdat, 1939. – 64 s.

6. Берков П. Н. Материалы для биографии А. Н. Радищева // Радищев: Статьи и материалы / [Отв. ред. чл.-кор. АН СССР М. П. Алексеев]; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Филол. ин-т. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1950. – 326 с. – С. 217–245.

Berkov P.N. Materialy dlja biografii A. N. Radishheva // Radishhev: Stat'i i materialy / [Otv. red. chl.-kor. AN SSSR M. P. Alekseev]; Leningr. gos. un-t im. A. A. Zhdanova. Filol. in-t. – L.: Izd-vo Leningr. gos. un-ta im. A. A. Zhdanova, 1950. – 326 s. – S. 217–245.

7. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1727. Оп. 1. Д. 532.

Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPB). F. 1727. Op. 1. D. 532.

8. История Санкт-Петербурга-Петрограда, 1703–1917: Путеводитель по источникам. Т. 3, вып. 2: Опубликованные законодательные акты, 1731–1762 гг. / Б-ка. Рос. Акад. Наук; Отв. ред. В. П. Леонов. – Санкт-Петербург, 2009. – 1133 с.

Istorija Sankt-Peterburga-Petrograda, 1703–1917: Putevoditel' po istochnikam. T. 3, vup. 2: Opublikovannye zakonodatel'nye akty, 1731–1762 gg. / B-ka. Ros. Akad. Nauk; Otv. red. V. P. Leonov. – Sankt-Peterburg, 2009. – 1133 s.

9. Сатира XI – XVIII веков / Сост., вступ. ст. и коммент. В.К. Былинина, В.А. Грихина; оформ. Б. А. Диодорова. – М.: Советская Россия, 1989. – 512 с.

Satira XI – XVIII vekov / Sost., vstup. st. i komment. V.K. Bylinina, V.A. Grihina; oform. B. A. Diodorova. – M.: Sovetskaja Rossija, 1989. – 512 s.

10. Сборник биографий кавалергардов. [1724–1899]: По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка / Сост. под ред. С. Панчулидзева. [Т. 2]: 1762–1801. – Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1904. – 470 с.

Sbornik biografij kavalergardov. [1724–1899]: Po sluchaju stoletnego jubileja Kavalergardskogo Eja Velichstva Gosudaryni Imperatricy Marii Feodorovna polka / Sost. pod red. S. Panchulidzeva. [T. 2]: 1762–1801. – Sankt-Peterburg: Jekspedicija zagotovlenija gos. bumag, 1904. – 470 s.

11. ЦГИА СПб. Ф.19. Оп.1. Д.15444.

CGIA SPb. F.19. Op.1. D.15444.

12. Объявления к Санкт-Петербургским ведомостям. Казенные. Подряды. – 1797. – 16 Июня. – № 48.

Ob"javleniya k Sankt-Peterburgskim vedomostyam. Kazennye. Podryady. – 1797. – 16 Iyunya. – № 48.

Mankov S. A. The murder of the manager in the landed estate of the sister-in-law Alexander Radishchev

The article examines new information about family ties of an outstanding Russian public and statesman, author of the story «Journey from St. Petersburg to Moscow» Alexander Nikolayevich Radishchev (1749–1802), found in the funds of the Central State Historical Archive of St. Petersburg. In the daily life of the Syaglitsy estate, Yamburg district, St. Petersburg province, which belonged to his sister-in-law, Daria Vasilievna Rubanovskaya, an incident occurred that largely echoed the work of Radishchev, who had been convicted by that time, and characterizes the everyday life of serf Russia in the 18th century. Despite the

proven nature of the beating of the clerk Johann Blom, which led to his death, the court imposed an unusually lenient punishment on the peasants who committed this crime, which indicates some mitigation of law enforcement practice on the part of the judicial authorities, who feared popular unrest in the era after the Pugachev uprising.

Keywords: Radishchev, serfdom, nobility, peasantry, Yamburg district, St. Petersburg province, Russia in the XVIII century